

Несколько слов о мыслях одного критика и о комедии "Горе от ума"

Оригинал здесь: "Литература". Издательский дом "Первое сентября"

*Неужели у нас в литературном быту никогда
не будет общего, единодушного и единогласного*

*признания хорошего за хорошее и дурного за дурное?
Сомов О. (Сын отечества. 1825. No 10. С. 177)¹*

Несмотря на многочисленность поэтов, которых дарования "Полярная звезда" ежегодно *обличает* в своих *табелях о рангах*², бедность нашей словесности очевидна. Стоит кому-нибудь написать полсотни гладких стихов, чтобы попасть в число поэтов, *преобразующих* русскую словесность. Этого мало! Рукописная комедия "Горе от ума" произвела такой шум в журналах, какого не производили ни "Недоросль", ни "Ябеда". Что же будет, если когда-нибудь она появится в печати?

Рецензентов можно разделить на два рода. Одни, занимаясь постоянно литературой, судят по общепринятым правилам, выведенным из опытности веков и произведений умов великих. Другие, не производя ничего сами, временно появляются на горизонте словесности; подобно кометам, движутся произвольно по путям неопределённым и вдруг скрываются до нового брожения.

По системе, принятой, к сожалению, многими рецензентами, г-н Сомов начинает упреками г-ну Дмитриеву как бы в личном злоумышлении против автора рукописной комедии. Применение стихов Крылова к замечаниям М.А. Дмитриева ничего не доказывает³, ибо и г-н Дмитриев с своей стороны может сказать, что г-н Сомов хвалит "Горе от ума", бывши *одного прихода* с автором. Если бы даже место, занимаемое на нашем Парнасе сочинителем "Молодых супругов", переводчиком половины "Притворной неверности" и автором рукописи "Горе от ума", было в самом деле завидно, то прежние разборы г-на Дмитриева доказали, что восставая против незаслуженной известности модных рифмачей, он всегда уважал истинные дарования, и потому его нельзя упрекать в каком-либо непозволенном чувстве. Но приступим к мыслям г-на О.Сомова и посмотрим, какими средствами старается он *составить общее мнение, очистить вкус народа и просветить век*.

"Сочинитель её (рукописной комедии) не шёл и, как видно, не хотел идти той дорогою, которую углаживали и наконец истоптали комические писатели от Мольера до Пирона⁴ и наших времён".

Тем хуже для сочинителя. Не потому ли презрел он дорогу Мольера и даже Пирона, что трудно идти исполинским путём первого и следовать в слог за вторым? Притом же оставлять общий путь позволяется тому только, кто откроет новый лучший, а мы увидим далее, что г-н Грибоедов не сделал этого. Тут же г-н Сомов упрекает М.А. Дмитриева в каком-то *французско-классическом вкусе*⁵, хотя г-н Дмитриев, отдавая должное романтическим красотам "Финна", явно показал своё несогласие с правилами французской драматургии. И не потому ли г-н Сомов восстаёт против духа Перболоса, что сам не принадлежит к *приходу* сочинителя трилогии?⁶

"Здесь (в рукописной комедии) нет ни плута слуги, нет ни *jeune premier*, ни *grande coquette*, ни *pere noble*, ни *raisonneur*".

Из этого ещё не следует, что комедия хороша. Объясним это примером: в мыслях *такого-то* нет, как в других рецензиях, ни беспристрастия, ни основательности суждений, ни правильности доводов; ergo, его мысли хороши. Заключение такого рода рассмешило бы в рукописной комедии, но не годилось бы в разборе, требующем отчётности. Достойно замечания, что г-н Сомов восстаёт особенно против *резонёров* или *рассудительных* лиц в комедиях, называя их *самыми скучными и тяжёлыми*. Конечно, голос рассудка может иному наскучить.

"Здесь завязка развёртывается в самом действии".

Завязка в комедии есть сумма препятствий к достижению известной цели; *действием* же называются все поступки лиц, клонящиеся к ослаблению или усилению препятствий: стало быть, завязка должна предшествовать действию и не может в нем *развёртываться*. Применим это к "Горю от ума": Софья любит Молчалина, Чацкий любит Софью; но никто из них не делает шагу для увенчания любви